

ПУТЬ ДИНАСТИИ

В Петербурге на Английской набережной имеется знаменитый Дворец бракосочетания № 1. У нас же, на Петроградке, было свое место для свадебных церемоний — Дворец бракосочетания № 3. На Петровской набережной, по соседству с Домиком Петра. Закрепили мы однажды создание ячейки общества, вышли в сквер, как раз у Домика, и расположились на скамейках поздравлять молодых советским праздничным напитком. И так душевно мы их поздравили, что почувствовал я, как мне уединиться по нужде время пришло. Отошел от товарищей, иду мимо Домика, и вдруг непреодолимая сила потянула меня заглянуть в окно деревянной хижины, которую Петру срубили за три дня. Прислонился я к оконцу, вдруг все вокруг словно исчезло, погрузилось в туман, и только вижу сквозь стекло, как красный камзол царя отделяется от стены и, глядь, летит бешено по комнате. И голос неведомо откуда:

— Боже! На что вы променяли мою империю: на дворцы и спиритические сеансы?!

И грохот разразил небосвод.

Открываю я глаза, а товарищ мой на скамейке теребит меня за плечо и протягивает стакан, чтобы поднять за молодых.

Лишь со временем я понял, о чем это было...

В по-петербургски снежный майский день 1703 года солдаты-плотники рубили избу близ Невы. На скорую

руку сооружали деревянную хижину для царя Петра Алексеевича, который исследовал берега Невы для строительства новой крепости, впоследствии названной им Санкт-Петербург. Скромных размеров изба площадью 60 квадратных метров и высотой потолков в 2 метра и 5 сантиметров, расписанная под кирпичную кладку, служила первым пристанищем Петру еще до закладки крепости на Заячьем острове, то есть до основания Петербурга.

По преданию, возвращаясь с работ по строительству Петропавловской крепости, Петр I произнес: «От малой хижины возрастет город. Где прежде жили рыбаки, тут сооружается столица Петра»¹.

Над своими «красными хоромами» он распорядился возвести деревянный футляр, дабы сберечь реликвию для потомков.

И в 1723 году первый архитектор города, Доменико Трезини, сделал это. Но даже футляр этот не способен был надежно защитить постройку «из земли и палок» от частых наводнений, штормов и сырости.

Екатерина II, во многом ориентируясь на фигуру Петра Великого, приказала вместо деревянного футляра создать основательную каменную защитную галерею. Позднее вокруг нее разбили сад с чугунной оградой.

До начала XX века спрятанный в саду первый «дворец» Петра был зажат с одной стороны пеньковыми складами, с другой — провиантскими магазинами. Правый берег Невы, в отличие от левого, еще не был одет гранитом и представлял собой типичный пейзаж а-ля рюс: размытая дождями дорога, склады-сарай, деревянный «дворец» в голых кустах, а вокруг — чугунная ограда ажурного литья.

Строительство Троицкого моста потянуло за собой благоустройство гранитной набережной императора Петра Великого (которая с 1930-х носит название Петровской). Линию берега выровняли, подсыпав большое количество грунта, — когда-то Домик Петра стоял на мысу почти у воды.

В момент, когда набережная стала обретать парадный вид и появилось удобное транспортное сообщение, земель, занятой складами да мелкими лавками, заинтересовались великие князья для строительства собственных дворцов.

«Первые “скитальцы” в доме Романовых»² — братья Петр Николаевич и Николай Николаевич Младший (далее — Мл.) — не имели собственных дворцов.

Все потому, что батюшка их, великий князь Николай Николаевич Старший, не оставил после себя ничего, кроме внебрачных детей от балерины Числовой и долгов, за которые его роскошный дворец на Благовещенской площади (Николаевский дворец, пл. Труда, 4) и перешел в собственность казны.

Младший брат Петр Николаевич проводил зиму, арендуя особняки петербургской знати. Старший же, Николай Николаевич Мл., жил красиво, владея имением «Беззаботное» под Петербургом, «Першино» под Тулой, охотничьими угодьями в районе Борисова под Минском и дворцом Кичкине в Крыму. Финансов для поддержания столь «беззаботного» уровня жизни не хватало, и потому за великим князем числились крупные долги (по «примеру» отца).

В 1909 году Николай Николаевич Мл. приобрел участок земли на новой благоустроенной набережной по соседству с Домиком Петра и наконец-то, после жизни в съемных

особняках, заказал создание собственного дворца. Его построили быстро, с 1910-го по 1913-й, автором проекта выступил архитектор Александр Хренов — большой мастер петербургского модерна*. Однако для возведения дворца великого князя он отказался от своего фирменного стиля в пользу неоклассики**.

К этому моменту Николай Николаевич Мл. попрощался с жизнью холостяка. В пятьдесят лет он обвенчался со своей возлюбленной, Анастасией Черногорской, сестрой жены своего младшего брата Петра Николаевича, что еще больше сблизило братьев, и так считавшихся почти неразлучными.

Милицу и Анастасию (Стану) Черногорских, дочерей черногорского короля Николая Негоша, выдали замуж из внешнеполитических интересов. Сестры увлекались мистикой, оккультизмом и «столоверчением»***. Именно они познакомили императрицу с Григорием Распутиным.

«Суеверные, простодушные, легко возбудимые, эти две черногорские княжны представляли собой легкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов»³.

* *Петербургский модерн* — стиль в архитектуре Санкт-Петербурга начала XX века, характеризующийся асимметрией фасадов, свободной планировкой, использованием новых материалов (стали и железобетона), приглушенной цветовой гаммой и обилием металлических деталей (фонари, решетки, фризy).

** *Неоклассика (неоклассицизм)* — направление в искусстве и архитектуре, для которого характерно обращение к наследию Древней Греции, эпохи Возрождения и классицизма, использование форм и принципов классических ордеров, симметричная композиция и использование античных декоративных форм.

*** *Столоверчение* — другое название спиритического сеанса.

Так их описывает великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях.

Министр финансов Сергей Витте, отвечавший за финансирование среди прочего императорского двора, тоже упомянул сестер в мемуарах:

«Конечно, прежде всего явилось у них желание раздобыть побольше денег. Вот на этой почве мне пришлось сталкиваться с черногорками. Как-то раз черногорка Лейхтенбергская заявила мне, что им трудно жить и что она просила помощи у Государя через Императрицу и просила и моего содействия к устройству этого дела. Вопрос сводился к тому, чтобы казна выдавала Лейхтенбергскому ежегодно 150 000 рублей. Конечно, я признал это невозможным, и дело устроилось так, что бюджет министерства двора был увеличен на 150 000 рублей, а сие министерство уплачивает Лейхтенбергскому равную сумму.*

Как это устроится теперь, когда черногорка № 2 покинула своего мужа Лейхтенбергского и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича, не знаю.

Такой простой способ устройства пособия черногорке № 2 вытекал из особого Высочайшего повеления относительно бюджетов министерства двора.

Делами великого князя Петра Николаевича управлял молодой человек, сын его бывшего гувернера (кажется, фамилия его Дюмени). Он заигрался, вероятно, не без ведома великого князя на бирже и крайне одно время расстроил его дела. Тогда великий князь обратился ко мне, дабы я помог ему из государственного банка. Я, конечно, отказал, так

* Анастасия Черногорская в первом браке была супругой герцога Георгия Лейхтенбергского, а затем вышла замуж за великого князя Николая Николаевича. *Прим. авт.*

как это противоречило уставу банка. В результате великому князю помог государь, кажется из уделов, но супруга, черногорка № 1, такую мою дерзость простить не могла»⁴.

Дворец на Петровской набережной для Николая Николаевича Мл. и его супруги Станы был завершен в 1913 году.

*Дворец великого князя Николая Николаевича Младшего.
Современная фотография*

Однако в его стенах так и не успел состояться ни один пышный прием: в начале Первой мировой войны великий князь был назначен на должность верховного главнокомандующего и покинул Петербург, а его супруга с сестрой проживали в Киеве. В декабре 1917 года дворец занял революционный трибунал, озарив залы последнего великокняжеского дворца пламенем революционных судов.

Вот как личность владельца этого дворца описал его двоюродный брат великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях:

«Людьми типа великого князя Николая Николаевича можно было бы пользоваться с большим успехом в любом хорошо организованном государстве, но при условии, что монарх сознавал бы ограниченность ума этого рода людей. <...> Я не вижу логического объяснения, почему государь считался с мнением Николая Николаевича в делах государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. <...> Можно только удивляться простодушию этого человека, который проезжает по России, охваченной восстанием от Кавказа до Могилёва, и не замечает ни толп народа, ни демонстраций, ни мятежей и остается непоколебимым в своей вере, что “новые командиры” оценят его безупречный патриотизм и военный опыт!»⁵

Место на Петровской набережной, где замкнулся круг императорских дворцов, наглядно иллюстрирует путь, пройденный династией за два столетия с 1703 до 1913 года — от деревянной хижины, выстроенной

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

